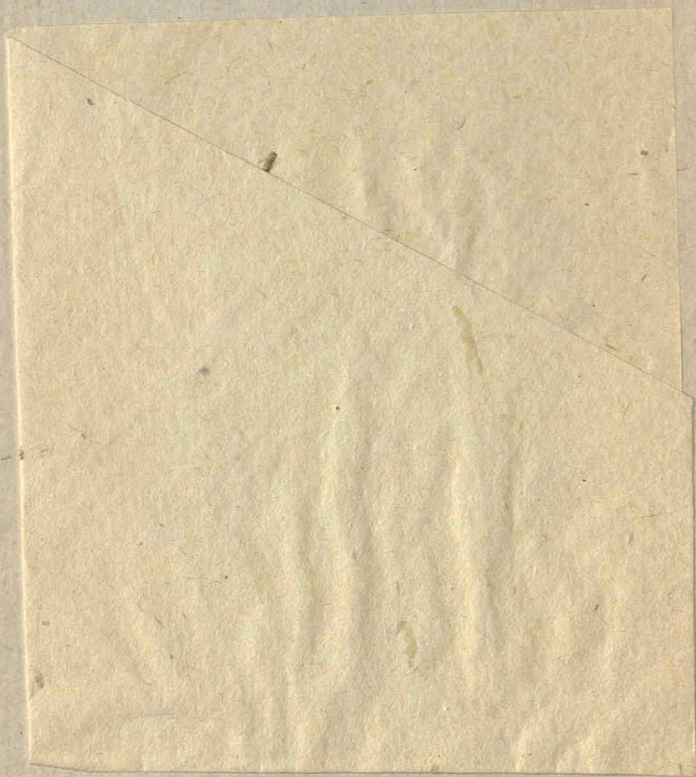
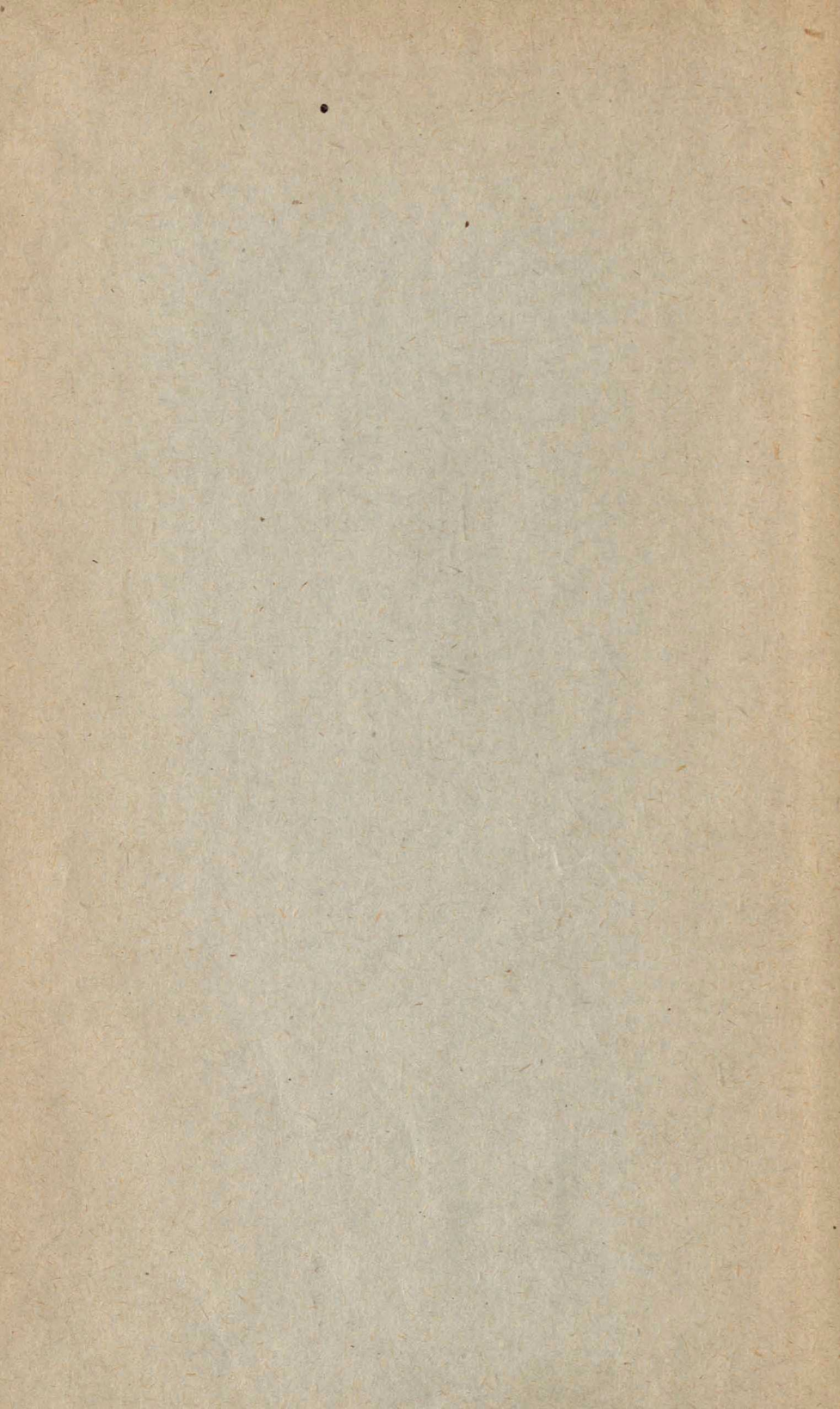

V 252

352

1923

~~VX 252~~
352
Вл. Виленский (Сибиряков)

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

У БЕРЕГОВ

ТИХОГО ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1923

Н. ШУБИН (САМАРИН)

ПАРИЖ-ВАРШАВА-ВИЛЬНО

(Виленщина на перекрестке империалист. путей Франции)
с прилож. карты Литвы и Виленщины. Стр. 105.

Цена 50 коп.

СЕН КАТАЯМА

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ В ЯПОНИИ

Брошюра стр. 40.

Брошюра знакомит нас с современным положением рабочего класса в Японии, с той ожесточенной борьбой, которую им приходится вести с эксплуататорами. Японские рабочие—наши друзья, „с единым духом велась ими кампания против вмешательства в русские дела, в пользу Комитета помощи России и за немедленное признание Советской России и полную эвакуацию японских войск с русской территории“.

Цена 20 коп.

ЕВГЕНИЙ ЛАВЛОВСКИЙ

БАНКРОТСТВО ГЕРМАНИИ

Перев. с немецкого С. В. Антропова. Стр. 144.

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие автора. Введение. Хозяйственный кризис Германии. Основы капиталистического развития Германии. Обнищание, как следствие войны. Положение рабочих. Понижение производительности труда. Герм. промыш. на мировом рынке. Кризис германского капитализма. Ремонтный вопрос. Финансовый кризис Германии. Результат ошиб. финанс. политики. Налоговая проблема. Отношение Антанты. Тактика желтого Интернационала. Попытки разрешения вопроса германским правительством. Аграрии и их участие в классовой борьбе. Бессилие буржуазии. Ответственность социал-демократии. Навстречу краху. Наша налоговая политика и государственный капитализм.

Книга Павловского рисует современный экономический и финансовый кризис Германии на основании цифровых данных. Книга снабжена статистическими таблицами.

Цена 60 коп.

V ~~252~~
352

Вл. Виленский (Сибиряков)

дубль

V 252
352

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

У БЕРЕГОВ

ТИХОГО ОКЕАНА

177-26893
XXIV-26893

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1923

Главлит № 13.828. Тираж 5.000 экз.
„Мосполиграф“—20 типогр. „Красный Пролетарий“, Пименовская, д. 1/16.

К Н И Г А И М Е Е Т

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый
3							

627/16—250 тыс

53

11818
1922

1955 г

1864

29

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Советская Россия вновь у берегов Тихого океана. После длительной и упорной борьбы с дальневосточной контрреволюцией, которая сейчас окончательно сброшена в Тихий океан, Советская Россия вновь прочно становится на тихоокеанском побережье и выступает в качестве одного из факторов международной политики в тихоокеанском бассейне.

Еще совсем недавно большинство японских империалистов было уверено, что Россия надолго, если не навсегда, выбыла из числа участников дальневосточного международного концерта. Сегодня империалистическая Япония не только увела свои войска с русской территории азиатского материка, но и ставит вопрос о признании Советской России.

Планы японских империалистов отбросить Россию от берегов Тихого океана потерпели крах. После четырех лет оккупации русского тихоокеанского побережья Япония должна была убедиться в невозможности удержаться на захваченной территории и по мере укрепления и роста сил революционной Советской России должна была увести свои войска обратно на Японские острова.

Больше того: Япония должна была убедиться, что экономический разрыв с Советской Россией крайне невыгоден прежде всего для самой Японии, и что после крушения ее империалистических планов экономическое сближение с Россией для Японии является необходимостью.

Именно поэтому после долгой внутренней борьбы между

милитаристическими и торгово-промышленными группировками, Япония вплотную подходит к перемене позиций в русском вопросе. Осторожно, присматриваясь и приглядываясь к общим международным перипетиям борьбы капиталистического мира с Советской Россией, Япония зигзагами на протяжении последних лет идет по пути отказа от своей прежней непримиримости в русском вопросе и постепенно сдает позицию за позицией.

Русско-японские отношения имеют огромное значение для Дальнего Востока. Но Советская Россия, выходя к берегам Тихого океана, входит в соприкосновение не только с Японией. Она здесь вплотную подходит к Китаю, Монголии, к „корейскому вопросу“; она здесь приближается к Америке. Словом, Советская Россия, находясь у берегов Тихого океана, оказывается в гуще проблем восточного полушария, которое живет своей жизнью, во многом отличной от жизни Запада.

Неудивительно поэтому, что перед Советской Россией встает целый ряд новых проблем, которые требуют детального изучения международной обстановки Тихого океана; требуют изучения политической жизни отдельных народов и стран, представляющих совокупность Дальнего Востока. И, наконец, требуют того, чтобы сама Советская Россия осмыслила свое положение у берегов Тихого океана и конкретизировала те политические и экономические задачи, которые здесь перед нею стоят.

Наша книжка представляет схему подобного рода большой и крайне ответственной работы. Не имея возможности за текущей работой заняться этой работой в полном объеме, в начале текущего года, по предложению ВВРС, автор этой книжки сделал схематический набросок дальневосточной проблемы, который был издан для Красной армии в сравнительно ограниченном количестве под названием „Россия на Дальнем Востоке“. В настоящее время, учитывая жгучесть дальневосточной проблемы, автор делает попытку несколько дополнить свою первоначальную работу и сделать ее достоянием более широких кругов читающей публики.

Задача настоящей книжки—пробудить интерес к Дальнему Востоку и наметить сущность русской проблемы на Дальнем Востоке так, как она может рисоваться нам в условиях общей перспективы международных отношений в Восточном полушарии, куда сейчас переносится центр мировой экономики, а с нею, конечно, и политики.

* * *

Предлагаемая вниманию читателя книжка уже была набрана, и предисловие написано, когда в международную обстановку на Дальнем Востоке вклинились два новых фактора, которые отнюдь не безразличны для Советской России в ее политике у берегов Тихого океана. Первый—это выход Англии на тихоокеанскую арену борьбы, выразившийся в грандиозной постройке Сингапурской военно-морской базы, а равно попытке захвата Англией острова Врангеля в Беринговом проливе. В данном случае мы имеем не только новый фактор в политической обстановке восточного полушария, но и непосредственное нарушение Англией русских интересов в Тихом океане, ибо остров Врангеля принадлежит Советской России и имеет большое стратегическое значение.

И второй фактор—это небывалая катастрофа в Японии, связанная с последним землетрясением, главным образом на острове Ходно (Нишон), где сосредоточены жизненные и промышленные центры Японии. Одиннадцать округов с девятью миллионами населения, пять крупнейших городов, из которых Токио—столица Японии с двумя с лишним миллионов населения оказалось в сфере грозной стихии. В Японии сейчас уничтожен целый ряд промышленных центров и первоклассных сооружений обороны. Сильно пострадал японский флот. Мировая биржа, в особенности американская, на японскую катастрофу реагировала понижением японских ценностей. Мировая печать, в том числе и японская, делает вывод, что японская катастрофа отбрасывает Японию далеко назад от тех позиций, которые она занимала. Это несколько меняет перспективу ближайших международных отношений

в Восточной Азии, и должно отразиться на общих позициях Советской России у берегов Тихого океана.

Вместе с тем оба эти фактора, конечно, не меняют существа международной обстановки на Дальнем Востоке и тех задач, которые там имеет Советская Россия, особенно если эту международную обстановку тихоокеанского бассейна рассматривать в перспективе длительной борьбы мировых держав за гегемонию в Тихом океане.

Вл. Виленский (Сибиряков).

6 сентября 1923 г.

г. Москва.

Русский Дальний Восток.

В середине семнадцатого века русские охотчие служилые люди в поисках за „новыми землицами“ вышли к берегам Тихого океана. В 1636 году это сделал казак Москвин, который, двигаясь по рр. Алдану и Улье, вышел к Охотскому морю. В 1644 году казак Поярков спустился по р. Амуру в то же Охотское море. В 1648 году казак Дежнев прошел через Берингов пролив в устье р. Анадыря, и в 1696 году казак Атласов занял Камчатку. Таким образом, русские, идя разными путями, вышли к берегам Тихого океана и захватили долину р. Амура, побережье Охотского моря и полуостров Камчатку.

Охотское побережье долгое время было основной базой России, откуда совершались экспедиции, приведшие к занятию островов Курильских, Командорских, Шантарских и Алеутских. Отсюда же была открыта и затем занята Аляска. На протяжении почти 200 лет Охотск и Аян были портами России, где последняя строила и держала свой тихоокеанский флот, при помощи которого она расширяла свои владения на Дальнем Востоке.

Однако, в конце-концов, в 1849 году Россия окончательно переносит свою морскую базу в Петропавловск-на-Камчатке и оставляет Охотск и Аян на произвол судьбы. Но и здесь порт, несмотря на сравнительно большие затраты, удерживается недолго. Приблизительно в это же время капитан Невельвельский, обследовавший устье реки Амура, устанавливает, что Сахалин есть остров. Это дало толчок к исследованию берегов р. Амура, что было сделано Муравьевым, после чего был основан городок Николаевск-на-Амуре, куда

в 1856 году был перенесен из Петропавловска порт, превратившийся в морскую базу России на берегу Тихого океана.

Но и здесь Россия недолго удержалась,—ее тянуло к югу. Через шестнадцать лет, в 1872 году, порт был перенесен в нынешний Владивосток, который постепенно стал застраиваться и оборудоваться необходимыми портовыми сооружениями.

В это время Россия стремилась обеспечить себе удобный и скорый путь к берегам Тихого океана. Поскольку ею были заняты Камчатка и названные выше тихоокеанские острова, Россия стремилась иметь выход, главным образом, в Охотское море и на Камчатку. Отсюда было естественным закрепление Амура путем русской колонизации. Эту задачу осуществил упомянутый выше Муравьев-Амурский.

Но и Владивостоком Россия не удовлетворилась. В 1898 г. она заняла Ляодунский полуостров и здесь начала спешно строить два порта: Порт-Артур и г. Дальний (нынешний Лайрен). Много золота израсходовала царская Россия на эту попытку укрепиться в незамерзающих тихоокеанских водах. Для укрепления связи с метрополией была построена Восточно-Китайская железная дорога, которая прорезала всю Манчжурию и стоила больших денег русскому народу.

Однако, здесь царская Россия нашла предел своему устремлению к югу. И даже больше. В 1904 году вспыхнула русско-японская война, которая окончилась для царской России разгромом, последствием чего были уход России из Квантуна и возвращение во Владивостокский порт. Порт-Артур и г. Дальний перешли к Японии.

Таким образом, Россия укрепилась лишь на северо-востоке тихоокеанского побережья. Япония совершенно вытеснила ее из Южной Манчжурии и поставила под большое сомнение ее влияние в Северной Манчжурии, где царской России все же удалось сохранить в своих руках Китайско-Восточную железную дорогу. Эта дорога имела огромное стратегическое значение для России, ибо она связывала Сибирь с Владивостоком, дверь России в Тихий океан. Но при новой международной обстановке, создавшейся на

Дальнем Востоке после неудач русско-японской войны 1904—05 гг. Россия не могла считать себя обеспеченной в отношении обладания этой дорогой. Она принуждена была в срочном порядке начать сооружать Амурскую железную дорогу, которая должна была приобрести стратегическое значение на-ряду с водным путем Амура.

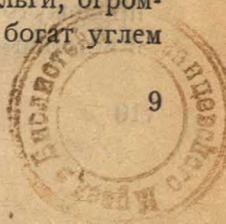
В современном своем виде русский Дальний Восток представляет огромнейшую территорию с крайне малым количеством населения. По последним статистическим подсчетам населения русского Дальнего Востока, оно распределяется следующим образом:

Сельского населения: в Забайкальской области (не считая части, отошедшей к Советской России)—648.400 душ, Амурской—261.400, Приморской—873.700, Сахалинской—12.000 и Камчатской—30.000; всего—1.325.500 душ; не сельского: в Забайкальской области—168.200, Амурской—120.800, Приморской—268.200, Сахалинской—13.500 и Камчатской—3.100; всего—568.400. А по всему Дальнему Востоку—1.893.900 душ.

Если к этому прибавить еще около 400.000 душ русского населения в полосе отчуждения Китайско-Восточной жел. дороги, то это будет представлять полную наличность русского населения на Дальнем Востоке.

Если сопоставить население русского Дальнего Востока с населением Северной Манчжурии, то последняя имеет более густое население. Пространство областей Дальнего Востока приблизительно может быть определено в 2,5 милл. квадр. верст; население округленно—немногим больше 2 милл. Северная Манчжурия занимает пространство в 0,8 квадр. верст, с населением в 5 милл. душ. В сравнении с населением Японских островов русский Дальний Восток—пустыня.

Но если беден русский Дальний Восток населением, то в недрах своих он таит исключительные богатства. На огромном протяжении от озера Байкала до берегов Тихого океана тянутся залежи каменного угля, и рассыпаны россыпи золотого песка. В Забайкальской области имеются залежи вольфрамовой руды. В Приморье, около бухты Ольги, огромнейшие залежи магнитного железняка. Сахалин богат углем

и нефтью. По всему Дальнему Востоку разбросаны месторождения цинка, олова и свинцово-серебряных руд.

Дальний Восток неизмеримо богат лесными площадями, могущими поставлять прекрасный лес для экспорта на заграничные рынки; леса изобилуют пушным зверем, равно как воды Амура, и особенно тихоокеанского побережья, могут спорить с рыбными богатствами Исландии и Ньюфаундленда.

Вообще, если говорить об экономических возможностях русского Дальнего Востока, то эти возможности огромны. И это делает Дальний Восток предметом вожделения для мирового капитала.

Именно поэтому русский Дальний Восток в последние годы превратился в арену международной борьбы за его обладание. Борьба эта еще далеко не закончилась, и Советской России, удержавшейся на своих позициях у берегов Тихого океана, вероятно, еще не раз придется столкнуться с натиском международного империализма, который будет делать попытки отбросить Россию от берегов Тихого океана, для того, чтобы утвердить здесь свое преобладающее влияние.

Для того, чтобы понять причины этого, нужно обратиться к современной международной обстановке на Дальнем Востоке, ибо, только поняв эту обстановку, можно понять те роль и задачи, которые стоят перед Советской Россией на Дальнем Востоке.

1. Современная международная обстановка на Дальнем Востоке.

„Евразия“.

Про Россию обычно говорят, что она стоит одной ногой в Европе, другой — в Азии. Недаром в последнее время ее даже окрестили „Евразией“. Простираясь от берегов Балтики до Тихого океана, она действительно занимает своеобразно-промежуточное положение между Западом и Востоком, что в истории не раз давало ей основания противопоставлять

себя Западу и строить туманные предположения об особенных путях России, отличных от путей народов Запада.

Но вообще-то Россия, особенно если иметь в виду основную массу ее населения, конечно, находится больше в Европе, и поэтому она тесно срослась с европейской жизнью, ее интересами, ее стремлениями и все время шла на поводах у Запада. И это не плохо, ибо приобщение к европейской культуре—приобщение к общечеловеческой культуре, а европейская мысль родила так много хороших и нужных для человечества идей, что знакомство с этими идеями безусловно необходимо для всякого народа, который хочет идти по пути прогресса.

Однако, мировая империалистическая война и еще более вспыхнувшая после нее революция поставили на очередь дня вопрос о значении Востока. И для России—„Евразии“, стоящей одной ногой в Азии, т.-е. на Востоке, вопрос о значении последнего приобрел исключительный интерес и огромное практическое значение, особенно в процессе учета сил, способных служить интересам мировой революции.

Но и при всем этом, тем не менее, Запад до сего времени довлеет своей злобой дня над ними. Мы хорошо знаем Запад. Мы живем той умственной пищей, которую нам дают европейские газеты, телеграф и радио, но мы очень мало интересуемся Востоком, уделяя ему внимание лишь постольку, поскольку он порою назойливо кричит о себе.

Что мы называем Востоком?

На этот вопрос далеко не всякий ответит. О Востоке мы вообще очень мало знаем, а, между тем, казалось бы, что мы-то, живущие между Западом и Востоком, должны о последнем кое-что знать.

Обычно, говоря о Востоке, мы берем последний в собирательном смысле, рассматривая Восток не только как угнетенный азиатский мир, но и как весь колониальный мир, мир угнетенных народов не только Азии, но и Африки и Южной Америки,— одним словом, весь тот мир, на эксплуатации которого покоится капиталистическая мощь Европы и Америки.

Однако, после мировой империалистической войны, которая привела к распаду европейского капитализма, более целесообразным будет стать на точку зрения противопоставления Западу того Востока, который территориально будет совпадать с Восточным полушарием, где капиталистическая Америка не только сохранила свою капиталистическую устойчивость, но куда по существу сейчас переносится центр тяжести дальнейшего мирового капиталистического развития.

И это тем более, что американский капитал сейчас, противопоставляя себя европейскому капитализму, пытается опереться на восточную Азию, эту наиболее густо населенную часть земного шара, которая больше чем какая-либо иная может претендовать на наименование Востока.

С этой точки зрения для нас Восток—Восточное полушарие, которое включает в себя весь тихоокеанский бассейн. Восток—это Китай, Индия, Япония, Корея, Тибет, Монголия и весь тихоокеанский бассейн с населяющими его народами.

Тихий океан представляет собою колоссальный водный бассейн, который окружен тремя частями света: Америкой, Азией и Австралией. Тихоокеанский бассейн представляет собой средоточие не только большинства населения земного шара, но и колоссальных богатств, особенно сырьевых, в которых заинтересован Запад. С другой стороны, тихоокеанский бассейн или, вернее, его население предъявляет огромный спрос на фабрично-заводскую промышленность Запада. Это делает его ареной оживленного товарообмена.

Сейчас в экономике тихоокеанского бассейна играет огромную роль Америка. Америка—мировой капиталистический колосс; она уже давно придерживается политики воздержания в европейских делах; но здесь, в Восточном полушарии и на восточно-азиатском материке, Америка играет активную роль, здесь она первая скрипка в международном концерте; здесь всюду чувствуется дыхание американского капитала.

И это понятно: только за время империалистической войны, с 1914 по 1918 г., население Соединенных Штатов Америки возросло с 98 до 103 миллионов. За этот же пе-

риод добыча угля повысилась с 458 до 613 милл. англ. тонн, железа и стали—с 23 до 45 милл. англ. тонн. Золотой запас Америки с 9-ти милл. франков возрос до 16-ти с 1911 года по 1918. Иными словами, Америка к концу мировой войны владела 40%, всего мирового золотого запаса. Вся Европа, не исключая т.-н. великих держав, является должником Америки.

Неудивительно, что после мировой войны Америка заявила: „Не желаю вмешиваться в европейские дела“. Америка подошла к такой позиции по отношению к Западу, как делец, который понимает безнадежность своего должника и отказывается от дальнейших дел с ним, считая, что это приведет его к еще большим убыткам, ибо безденежная Европа для Америки малоинтересный рынок, так как у нее нет золота для того, чтобы платить за американские товары, а давать эти товары в кредит Европе Америка не желает.

В этом, собственно, и лежит ключ к пониманию того охлаждения Америки к европейским делам, которое мы наблюдаем в последние годы.

Вопреки уверениям, что Америка не может обойтись без Европы, американский капитал сейчас ведет большую работу по организации Восточного полушария, как большого и емкого рынка, приспособленного для сбыта американских фабрикатов.

Полоса послевоенной депрессии (упадка) коснулась, конечно, и американской промышленности. Большую роль в этой промышленной депрессии сыграл момент организационной перестройки промышленности для новых мирных задач; но тенденция американского капитализма, взявшего курс на капиталистическое развитие Восточного полушария, чрезвычайно показательна.

Империалистическая война разорвала связи между Европой и многими из стран Востока, которые до сих пор были питающими Европу колониями или полуколониями. Америка учла это обстоятельство в свою пользу и сейчас старается утвердить свое влияние в тех странах, которые выпали или выпадают из сферы влияния европейского империализма.

И если американский капитал склонен вообще рассма-

тривать Тихий океан как „американское озеро“, то вполне понятна тенденция американского капитала стать твердой ногой на берегах восточной Азии.

Восточная Азия.

Восточная Азия—бездонное людское море. Это более чем миллиард населения, это две трети всего населения земного шара, это—резервы человечества: это,—Китай, Корея, Сиам, Индия, Тибет и т. д.

Отсюда капиталистическая Европа черпала те материальные сокровища, которые она израсходовала в мировую войну. На костях азиатских народов европейский империализм создал свое могущество. Недаром Англия до сего времени считает Индию жемчужиной своего мирового величия и не желает расставаться с нею.

Мировая война подрезала крылья европейскому империализму; она приковала к европейскому матерiku Англию, Францию, Италию; она вычеркнула из числа способных делать империалистическую политику в Азии Германию; она вычеркнула из числа империалистических государств Россию, которая вместе со свержением царизма отказалась и от его империалистической политики. Если мировая война окончательно не сняла пут империалистической опеки с восточной Азии, то она, во всяком случае, настолько ослабила их, что народы восточной Азии смогли поставить вопрос о возможностях своего освобождения от опеки европейских империалистов.

Но если европейский империализм ослабел, то американский капитализм настолько вырос и окреп, что Америка решила воспользоваться ослаблением европейского империализма на Востоке и поставить вопрос о превращении восточной Азии в американский рынок.

И это понятно. Огромная людская масса восточной Азии—чрезвычайно привлекательная арена для деятельности такого капиталистического колосса, каким является Америка. Здесь дешевый труд, здесь же и емкий рынок; тут много сырья, тут непочатый край величайших возможностей для прило-

жения американского капитала. Тяжелая индустрия Америки может рассчитывать на громадную работу в связи с одним железнодорожным строительством в восточной Азии.

Первое место во всех отношениях в восточной Азии занимает, конечно, Китай, который представляет огромную территорию, выходящую к Тихому океану, и став на который прочно, Америка действительно могла бы считать Тихий океан „американским озером“. Китай с его 400 миллионов населения—рынок исключительного значения. Капиталистическое развитие Китая, на пути к которому он сейчас находится, несет для Америки самые заманчивые перспективы для использования дешевых китайских рук и тех огромных сырьевых ресурсов, которыми располагает Китай.

Но в своем устремлении к берегам восточной Азии Америка встречает еще одну азиатскую страну, которая не только во многом отличается от других стран восточной Азии, но и является довольно серьезным конкурентом американскому капиталу на путях к его утверждению на азиатском берегу.

Таким соперником и конкурентом американского капитала в Восточном полушарии является Япония.

Япония первая из восточно-азиатских стран вступила на путь капиталистического развития. Численность населения Японии определяется около 75 миллионов (вместе с Кореей, в которой населения насчитывается около 17 милл.). Япония имеет сейчас товарообмен, выражающийся в общей сумме около двух миллиардов американских долларов, из которых приходится 37% на долю импорта.

Сравнительно с Америкой японская индустрия, конечно, мала, но милитаризация Японии достигла гигантских успехов, и в этом отношении Япония не без основания склонна считать себя „тихоокеанской Великобританией“.

Слабость Японии заключается в том, что ее тяжелая индустрия не располагает железом, которого мало на Японских островах, но зато его много на азиатском материке, в Китае, что и побуждает Японию с первого же момента своего капиталистического развития устремить свои взоры на восточно-азиатский материк.

Япония—первая из желтых стран, получившая титул „мировой державы“. Но она отнюдь не склонна удовлетворяться скромной ролью владелицы Японских островов. Она желает следовать по путям английского империализма и создать систему большого колониального владычества в Тихом океане. Она хочет получить на восточно-азиатском материке не только устойчивый и богатый тыл, но и операционную базу для утверждения японской великодержавности в Азии. В Тихом океане она собирается бороться за морское первенство, способное закрепить за ней морские пути в тихоокеанском бассейне.

И вот здесь-то и сталкиваются американо-японские противоречия, которые создали тихоокеанскую проблему, в основе которой лежит противоречие между американским и японским капитализмом, ибо каждый из них стремится стать гегемоном Восточного полушария.

Японский капитализм слабее американского, но он надеется быть сильным, подведя под себя в качестве базы огромные ресурсы восточной Азии. Американский капитал по существу хочет того же. Отсюда скрещение тех американо-японских противоречий, которые мы наблюдаем в Восточном полушарии.

Борьба за Китай.

Ареной столкновения американо-японских противоречий для настоящего дня сделался Китай, где сейчас происходит ожесточеннейшая борьба за утверждение своей гегемонии между Японией и Америкой. Каждая из борющихся сторон имеет в этой борьбе свои сильные и слабые стороны.

К числу сильных сторон Японии нужно отнести ее близость к Китаю, и не только территориальную, которая, уже сама по себе, дает Японии много преимуществ,—Япония близка Китаю по своей культуре, по письменности, которую она в свое время заимствовала у Китая и теперь, несмотря на свое приобщение к европейской цивилизации, тем не менее, продолжает употреблять. Японец всегда при помощи этой письменности легко может сговориться с китайцем, и это делает положение японца более выгодным по сравнению

с американцем, который должен прибегать к посреднику-переводчику, что затрудняет непосредственное общение между американцами (равно как и европейцами) и китайцами.

К числу слабых сторон Японии нужно отнести заносчивость ее милитаристических правящих кругов, которые, утверждая свою великодержавность в восточной Азии, строили ее прежде всего за счет жизненных интересов Китая и поэтому усвоили манеру смотреть сверху вниз на Китай и китайцев, что настолько возманило китайцев против японцев, что ненависть китайца к японцу стала патриотическим долгом каждого китайца. В соответствии с этим и политика Японии к Китаю в своей традиции сделалась политикой грубой силы, наскока и агрессивности.

В противоположность Японии Америка действует в Китае очень осторожно и на протяжении десятилетий старается противопоставить себя другим империалистам, как страну, которая не заинтересована в грабеже Китая, чем обычно занимаются на Востоке другие страны. Наоборот, Америка во всех случаях выступает в роли „защитника“ интересов Китая, хотя это, конечно, не мешает ей брать от Китая все, что берут другие империалисты. Однако, такая политика создала Америке в глазах китайцев репутацию „бескорыстного друга“, который часто противопоставляется хищной империалистической Японии.

Сейчас Америка широко использует эту свою репутацию „друга“ Китая в борьбе против Японии. Опираясь на нарождающуюся китайскую буржуазию, которая полна ненависти к японской буржуазии, являющейся по существу ее конкурентом, Америка энергично теснит Японию из Китая.

Капиталистическая Америка, в противоположность опекающим Китай державам Запада, выдвигает вопрос о консолидации Китая, как единого целого. Мощный капиталистический колосс Восточного полушария не боится перспективы усиления Китая, но он ставит практическую задачу: при помощи консолидированного Китая свернуть шею японскому империализму, как своему конкуренту за господство в Восточном полушарии.

Выдвигая идею консолидации Китая, Америка убивает

двух зайцев: во-первых, получает возможность работы на Китай, как на емкий рынок, о чем мы выше говорили, и, во-вторых, превращает Китай если не в грозную силу, способную покончить сейчас с японским империализмом, то, во всяком случае, в угрозу Японии с тыла азиатского материка, что существенно облегчит стратегическую задачу борьбы Америки против Японии.

Китай обладает мировыми запасами угля и железа. И это, несомненно, база для развертывания огромной индустрии. Япония, бедная железом и располагающая углем далеко не в таком количестве, как это нужно было бы для могучей морской державы, естественно, тяготеет к Китаю. И когда Америка ставит задачу вытеснения Японии из Китая, то ей четко рисуется перспектива возможности присоединения этих мировых резервов угля и железа к общим запасам Америки, а это, несомненно, одна из предпосылок дальнейшего усиления и развития американского капитализма.

На базе этих ресурсов и того дешевого труда, которым располагает восточно-азиатский материк, американский капитал, несомненно, может развернуть мощное развитие капитализма на тихоокеанском побережье восточной Азии. Тот рост капитализма на побережье Тихого океана, который мы там наблюдаем сейчас, есть не больше, как проба сил и нащупывание тех путей, по которым легче будет идти американскому капиталу к утверждению своего господства на азиатском материке.

В качестве очень характерной иллюстрации к высказанным нами соображениям может явиться справка о борьбе за китайский рынок, происходившей в период империалистической войны на Западе.

Англия, бывшая долгое время монополисткой на китайском рынке, за время империалистической войны потерпела серьезный урон. Так, в 1913 году ее ввоз в Китай составлял 48% всего ввоза, а японский только 19%; к 1918 году английский ввоз пал до 30%, а японский возрос до 39%.

Сейчас на арену борьбы выступает американский капитал. До войны доля Америки была равной 8% ввоза, к 1918 году процент поднялся до 16. Еще более увеличился

рост американского капитала, вложенного в предприятиях, возникающих в Китае.

Америка сейчас ввозит в Китай преимущественно орудия производства и вывозит полуфабрикаты и готовые ремесленные изделия. Япония ввозит в Китай средства потребления и вывозит сырье. Англия старалась до сих пор делать то и другое, т.е. вывозить из Китая сырье и ввозить как орудия производства, так и средства потребления.

Сопоставляя тенденции японского и американского капитала, можно сделать такой вывод:

Японии нужен Китай, как продовольственная и сырьевая база, как экономическая основа для ее укрепления. Японский империализм стремится к одному: выжать из Китая все, что может усилить и обогатить Японию.

Америка с ее мощным капитализмом в борьбе за гегемонию в Восточном полушарии невольно содействует развитию промышленности в Китае и усилению его военнотехническим снаряжением. А это, конечно, есть не что иное, как консолидация Китая, которая должна усилить его и противопоставить японскому материализму.

Если когда-нибудь это осуществится, то американский империализм может считать свои планы осуществленными: во-первых, он уничтожит Японию, как своего конкурента, и, утвердившись на азиатских берегах Тихого океана, действительно превращает последний в „американское озеро“; с другой стороны, своим утверждением в Азии капиталистическая Америка создает в Азии тот капиталистический барьер-баррикаду, которую нужно будет взять приступом для того, кто поставит себе задачей нарушить капиталистическое равновесие Восточного полушария.

Политика современной Японии.

Японии в борьбе за утверждение своей великодержавности на азиатском материке пришлось учесть враждебные тенденции американского капитала. Но Япония наряду с этим столкнулась еще и с другой опасностью, которая обнаружилась почти на другой день после того, как Япония

вышла за пределы своих Японских островов и вступила на путь международного общения.

Такую опасность принес для Японии империализм царской России, который в своем устремлении к берегам Тихого океана обнаружил откровенную агрессивность по адресу Японии. После первых попыток молодой Японии расширить свое влияние в Азии за счет Китая, ей пришлось почувствовать тяжелую руку русского царизма, который сводил на - нет победы молодого японского империализма. Так было после японо-китайской войны 1894 года, когда Япония хотела получить Ляодунский полуостров, который у нее из-под носа выхватила царская Россия.

Вообще царская Россия представляла настолько реальную угрозу для Японии, что последняя серьезно задумалась над необходимостью парализовать эту угрозу, ибо Япония понимала, что русский Дальний Восток представлял для Японских островов опасный тыл, со стороны которого Японии мог быть нанесен серьезный удар. И еще более угрожающим этот русский тыл был в отношении Манчжурии и Кореи, где японский милитаризм уже в тот момент предполагал утвердить базу для своего дальнейшего наступления на Китай.

В качестве основной предпосылки для своего укрепления на азиатском материке Япония должна была во что бы то ни стало закрепить за собою Корею и Южную Манчжурию. Здесь имелись железо, уголь и хлеб, которые нужны были японскому милитаризму для укрепления Японии. Отсюда и вытекала неизбежность столкновения с Россией, которая к тому моменту тоже ставила своей задачей укрепление в Манчжурии.

Русско-японская война 1904—05 гг. была столкновением русско-японских противоречий на Дальнем Востоке. В этом споре Япония ставила своей задачей обессилить Россию на Дальнем Востоке и закрепить за собою право на Корею, Манчжурию и Сахалин. Но, несмотря на победу Японии, царская Россия тогда играла еще большую роль в концерте держав, и Япония, получив существенное, тем не менее, во многих из своих требований должна была уступить.

Однако, первый успех окрылил Японию, и ее милитаристические круги не удовлетворились своей первоначальной задачей—обессилить Россию на Дальнем Востоке,—они поставили себе целью отбросить Россию от берегов Тихого океана. Как и вообще в своей азиатской политике, Япония поставила целью создать из всего тихоокеанского побережья барьер-буфер, который должен был бы предохранять Японию от возможностей нападения со стороны азиатского материка.

Линию этой предполагаемой обороны Японских островов со стороны азиатского материка японские стратеги намечали: Ханькоу, Пекин, Мукден, Харбин, Хабаровск и Николаевск-на-Амуре. Именно по этой мыслимой линии Япония предполагала распространить свое влияние, подкрепив его соответствующей реальной силой, которая, по мысли японского генерального штаба, должна была концентрироваться в Корее и Южной Манчжурии и иметь своими флангами Китай и прибрежную полосу русского Дальнего Востока.

Мировая империалистическая война дала для Японии возможность сделать попытку осуществления ее плана как в отношении русского Дальнего Востока, так и в отношении Китая.

Русская революция заставила японский генеральный штаб несколько корректировать свой первоначальный план. Если она дала возможность японцам совместно с другими союзниками осуществить интервенцию Дальнего Востока, т. е. фактически его захватить, то наряду с этим японские империалисты под флагом спасения Китая от русского большевизма навязали Китаю свою помощь в деле охраны его манчжурских и монгольских границ, что японцы использовали для своего укрепления в Манчжурии и Монголии.

Здесь Япония выдвинула идею буфера-барьера между Россией и Китаем, которая должна была изолировать Китай от России и тем, по мнению японских стратегов, облегчить осуществление японских планов в Китае. Именно в тесной связи с этими планами Японии нужно рассматривать японо-китайское военное соглашение, которое было Японией навязано Китаю: именно поэтому Япония поддерживала „мон-

гольского наместника" маленького Сюй-Ши-чена, а равно и манчжурского сатрапа ген. Чжан-Цзо-лина.

То же самое нужно сказать и о героях русской контр-революции в роде атамана Семенова, барона Унгерна и других, руками которых японский генеральный штаб осуществлял свою политику создания буферов-барьеров.

Япония в Китае.

Главной целью японской политики в восточной Азии является, конечно, Китай. Утверждение японской гегемонии в Китае—основная задача, к которой стремятся наиболее азартные японские империалисты. В подчинении к этой задаче стоят все остальные мероприятия, которые Япония ставит в порядке тактической необходимости на Дальнем Востоке.

Но подчинить себе четыреста или пятьсот миллионов китайцев, конечно, задача нелегкая; здесь нужно подумать над методами осуществления такой грандиозной задачи. И нужно отдать справедливость Японии, она много и серьезно думала и продолжает думать над этой задачей.

Если после русско-японской войны Япония получила возможность утвердиться в Южной Манчжурии, то после империалистической войны на Западе Япония поспешила захватить германское наследие в Китае в виде Шаньдуня, а во время войны, пользуясь тем, что она почти в единственном числе „охраняла мир“ на Дальнем Востоке, Япония попыталась навязать Китаю целый ряд всякого рода договоров и требований, из которых самым знаменитым является т.-н. „двадцать одно требование“. За время войны Япония усилила свои гарнизоны в целом ряде стратегических пунктов Китая; на севере Китая ввела японских инструкторов и вновь сформированную китайскую армию, предназначенную, якобы, для защиты границ Китая на севере, но на самом деле имевшую назначение укрепить позиции Японии в Манчжурии, ибо, как известно, Россия в этот период не собиралась воевать с Китаем, и, конечно, такой армии для этой цели Китаю было не нужно.

В своем стремлении удержать Шаньдунь в своих руках Япония поставила своею задачей взять под свой контроль китайское центральное правительство, находящееся в Пекине.

Для достижения этой цели Япония сделала две попытки. Первая,—это поддержка партии „Клуба Аньфу“, состоящего из приверженцев маршала Дуан-Ци-джуя и его друзей из провинции Аньхой. Вторая попытка—поддержка ген. Чжан-Цзо-лина, генерал-инспектора трех провинций Манчжурии.

И в том, и в другом случае Япония потратила очень много японского золота и усилий, но в обоих случаях Япония потерпела серьезную неудачу. В обоих случаях японским планам была противопоставлена национальная сила Китая в лице ген. У-Пей-фу, который не без косвенного влияния Америки, пользуясь превосходством своего центрального положения, разбил сначала аньфуистов, а затем и Чжан-Цзо-лина.

Между тем, и в 1920 году, когда у власти были аньфуисты, и в начале 1922 года, когда пекинский кабинет формировался согласно желанию Чжан-Цзо-лина, Япония, по существу, была близка к осуществлению своей цели—поставить китайское правительство под свой контроль. Целый ряд лиц из продажного китайского мандарината ориентировался на Японию и, поднимаясь при его помощи к власти, готов был поддерживать японские интересы в своей деятельности. Таковым являлся Лян-Ши-и, премьер того кабинета, который должен был помочь Японии отстоять Шаньдунь вопреки решению о передаче последнего Китаю. Она рассчитывала, что при помощи этого кабинета ей удастся оттянуть передачу, а затем и вообще аннулировать это невыгодное для Японии решение союзников.

Но здесь Япония столкнулась с очень тонкой политикой Америки, которая во-время сумела подсказать У-Пей-фу, что ему нужно во имя национальных интересов Китая дать отпор проискам японского империализма, и У-Пей-фу такой отпор дал. В 1920 году он разбил аньфуистов и заставил их бежать под охрану японского посольства, в 1922 году он разгромил войска Чжан-Цзо-лина и отбросил его об-

ратно в Манчжурию, нанеся этим решительный удар планам Японии в Китае.

После разгрома Чжан-Цзо-лина Япония чуть-чуть не потеряла все свои позиции в Китае. Во всяком случае, ей пришлось ускорить разрешение вопроса с передачей Китаю Шаньдуня, ей пришлось начать выводить свои гарнизоны из центрального Китая и напрячь все усилия для того, чтобы отстоять Чжан-Цзо-лина, с которым она расставаться пока, конечно, не желала, рассчитывая, что, возможно, судьба изменится, и для Японии вновь будет возможность попытаться счастья с установлением своего контроля над Китаем.

Но сейчас Япония, несомненно, потерпела очень серьезное поражение в Китае, где она выбита если не из всех позиций, то, во всяком случае, из многих. Манчжурия—пока единственное место, где Япония сидит прочно. Но и здесь она начинает чувствовать обходное движение со стороны Америки, которая очень интересовалась Манчжурией и, учитывая ее стратегическое значение, как тыла Японии, пыталась противопоставить японскому влиянию американское. Этот обход Америку в тыл Японии очень обеспокоил последнюю, и это было одной из причин, почему Япония поспешила с предложением о необходимости уничтожения междусоюзного контроля на Китайско-Восточной жел. дороге.

Япония под „стеклянным колпаком“.

Америка, будучи вовлеченной в империалистическую войну на Западе, на-время оставляла восточную Азию и этим дала возможность Японии, как мы видели выше, усилить свои позиции на Дальнем Востоке.

После Версальского мира Америка вновь возвратилась к своей восточно-азиатской политике, и, конечно, она не могла примириться с тем положением, которое она нашла в восточной Азии. Перед американским капиталом стала сложная задача борьбы с Японией для того, чтобы выбить ее из тех позиций, которые она успела занять в момент империалистической войны на Западе.

Описанные нами неудачи Японии в Китае есть результат активной политики Америки последних месяцев в Китае. Но прежде, нежели вступить на этот путь, Америка предприняла чрезвычайно выгодный для себя маневр в виде со- зыва т.-н. Вашингтонской конференции, которая дала воз- можность дипломатическим путем поставить Японию под „стеклянный колпак“ наблюдения Америки.

Несомненно, в таком положении находится сейчас в Вос- точном полушарии Япония, которая вошла в так - называе- мый „союз четырех“, родившийся на Вашингтонской кон- ференции. Америка, Англия, Франция и Япония, подписывая четверное соглашение, обязали взаимно друг-друга к из- вестным ограничениям в морском вооруженном строитель- стве и попутно приняли ряд решений, устанавливающих политику „открытых дверей“ в приложении к восточной Азии, т.-е., главным образом, к Китаю.

Смысл и сущность этой политики „открытых дверей“ заключаются в том, что американский капитал получает воз- можность свободного проникновения на азиатский материк и затем свободной конкуренции со своими противниками. Для мощного американского капитала это выгодно, для японского капитала, наоборот, это выгоды не представляет, ибо он нуждается в привилегиях и защите, что создает не- обходимость политики колониального протекционизма и т.-н. „сфер влияния“. Япония держала курс на сохранение сфер влияния и особенно в той части восточно-азиатского материка, которая должна была служить для Японии исход- ной базой для ее наступления на Китай, т.-е. Манчжурии и отчасти Шаньдуня.

Америка, добившаяся в Вашингтоне расторжения англо- японского союза и тем самым, следовательно, изоляции Японии, при поддержке Англии и Франции обязала ее воз- вратить Китаю Шаньдунь, а равно вывести иностранные гарнизоны из Китая, передать почтовые функции Китаю и пересмотреть тарифные ставки.

Этими постановлениями Америка наносила Японии сокру- шительный удар, ибо если постановление о передаче Шань- дуня было направлено непосредственно против Японии, то

вопрос о выводе иностранных гарнизонов из Китая был косвенно направлен тоже, главным образом, против японских империалистов, имевших больше других в Китае своих войск.

Кроме этого, „союз четырех“, взявший на себя обязанности поддерживать мирное равновесие в тихоокеанском бассейне, обязывал каждого из подписавших этот договор согласовывать свои действия с другими своими союзниками. И здесь изолированная и взятая под подозрение Япония являлась тем меньшинством, над которым было организовано наблюдение трех великих держав, две из которых—Англия и Франция—как бы передоверяли свои права Америке, которая, таким образом, на основе формального решения Вашингтонской конференции являлась как бы главным стражем спокойствия в Восточном полушарии.

Япония понимала всю невыгодность для себя такой политической комбинации, когда она попадала под надзор Америки. Но политическая обстановка диктовала Японии „смирение“, и ее делегаты в Вашингтоне принуждены были подписать все, что им предложили.

Неудивительно поэтому, что после Вашингтонской конференции японский империализм начал судорожно сжиматься. А когда ему в Китае пришлось потерпеть ряд серьезных неудач, о которых мы говорили выше, то это сжатие пошло еще интенсивнее. Японский генеральный штаб поставил вопрос о пересмотре всей программы „обороны Японии“, что нужно понимать, как „план наступления Японии“. И если японские милитаристы принуждены были заняться пересмотром своих планов, то это характеризует, как серьезно она оказалась ущемленной Америкой.

И Япония не только принуждена была пересматривать свою программу деятельности в Китае,—ей пришлось пересмотреть также и свою политику в отношении к русскому Дальнему Востоку, где в результате этого пересмотра пришлось поставить вопрос о ликвидации японской интервенции и эвакуации японских войск с территории русского Дальнего Востока.

II. Россия и Япония на Дальнем Востоке.

Одним из главных виновников союзнической интервенции в Сибири, и особенно на Дальнем Востоке, несомненно, является Япония, которая проявила исключительную активность в истории вмешательства союзников в русские дела на Дальнем Востоке.

Если формально союзники начали интервенцию, мотивируя необходимостью помочь чехо-словакам, оказавшимся в „бедственном“ и затруднительном положении в Сибири, то фактически Америка предложила Англии, Франции и Италии послать свои войска в Сибирь, потому что Америка не желала допустить Японию одну хозяйничать в Сибири и на Дальнем Востоке. Япония еще в апреле 1918 года, высадив свой десант во Владивостоке, по существу, поставила союзников перед фактом начала своей интервенции и этим самым заставила их подумать о необходимости координировать (согласовать) свои действия с ней.

Оставить Японию одну на Дальнем Востоке союзники не пожелали и поэтому принуждены были ее агрессивность по отношению к России освятить своим участием в начавшейся японской интервенции. Англия и Франция пытались поставить ставку на Колчака, но в течение одного года принуждены были убедиться в безнадежности своего предприятия.

Не то Япония. Она была активной почти на протяжении четырех лет. Применительно к русскому Дальнему Востоку всю политику союзников делала она. И если в отношении Сибири она предоставляла Англии и Франции некоторую инициативу, занимая выжидательную позицию наблюдателя, то в отношении Дальнего Востока Япония дирижерской палочки из своих рук не выпускала. Семеновщина, калмыковщина, унгерновщина, черное Приморье и другие авантюры, — все это дело рук японских милитаристов, которые очень ловко использовали русских контр-революционеров в своих интересах.

Роль наблюдающего за Японией играла здесь Америка; которая очень внимательно следила за действиями японских

милитаристов. Именно результат этого внимательного наблюдения за Японией и привел Америку к созыву Вашингтонской конференции, где Америка высказала ряд своих пожеланий, с которыми в дальнейшем Японии, несомненно, придется считаться, как сейчас пришлось считаться с постановлениями по китайскому вопросу.

Для того, чтобы понять сущность взаимоотношений России и Японии на Дальнем Востоке, мы позволим себе остановиться на перипетиях борьбы за Дальний Восток, имевших место в период с 1920 года и по настоящий момент, когда эта борьба в первой своей фазе заканчивается победой России.

Эта борьба достаточно ярко вскрывает замыслы японских империалистов по отношению к русскому Дальнему Востоку и дает понимание тех задач и целей, которые ставит себе в Восточной Азии японский империализм.

Причины возникновения ДВР.

В 1919 году, когда вооруженное вмешательство союзников потерпело крах, когда Советская Россия победоносно опрокидывала один контр-революционный фронт за другим, — именно в этот момент союзники выдвинули идею изоляции Советской России путем окружения ее системой буферных государств, которые должны были, по замыслу авторов этого проекта, играть роль своеобразного „санитарного кордона“, предохраняющего капиталистический мир от „большевистской заразы“.

К этому моменту оказался приуроченным разгром сибирской реакции на Востоке, где Красная армия разгромила Колчака, наиболее сильного из реакционных претендентов на власть, и жалкие остатки его бывших войск выбросила на территорию Дальнего Востока за Байкал.

Перед остановившейся на рубежах оз. Байкала Красной армией стояла задача дальнейшего продвижения на Восток для окончательной ликвидации контр-революции на Дальнем Востоке. Но выполнение этой задачи упиралось в необходимость вступить в непосредственную борьбу с Япо-

нией, ибо последняя в тот момент имела свои войска в Забайкалье, где она поддерживала сидевшего тогда в Чите пресловутого атамана Семенова.

Конечно, война с Японией для Советской России вообще мало улыбалась. Эта война могла бы надолго приковать Россию к Дальнему Востоку и тем самым дала бы возможность союзникам на Западе обрушиться на рабоче-крестьянскую республику со всею возможною для них силою. Начало польского наступления весной 1920 года как нельзя больше подтвердило впоследствии эти опасения. Именно союзники, рассчитывая, что Советская Россия, увлеченная разгромом Колчака, бросит всю свою Красную армию в Сибирь, выпустили поляков, надеясь на возможность разгрома России на польском фронте.

Но союзники ошиблись. Советская Россия не дала себя увлечь на Дальнем Востоке; она трезво оценила политическую обстановку того времени и решила дальнейшего наступления на Дальний Восток не производить, а, закрепившись на рубежах Байкала, защищать только Сибирь. Что же касается Дальнего Востока, то здесь выдвинуть идею буферного государственного образования и попытаться изжить сибирскую контр-революцию борьбою самого местного населения, которое уже в тот момент на всей территории Дальнего Востока вело ожесточенную партизанскую войну за освобождение Дальнего Востока от засилья реакции и японской интервенции.

Буфер был признан как необходимость, вытекавшая из нашей временной слабости на Дальнем Востоке. Для того, чтобы обосновать необходимость буфера, и в особенности его приемлемость для Японии, Россия выдвинула такую формулировку целей, которые она преследует своим согласием на образование буфера:

„Советская Россия стремится создать такую зону, где капиталистические государства имели бы возможность получить привычные для них условия, способные облегчить установление нормальных торговых отношений“.

Но, как оказалось несколько позднее, нам не было особенной необходимости обосновывать идею дальневосточного

буфера, ибо мысль о последнем бродила в то время и в умах японских дипломатов. Отчасти здесь были идеи Запада, откуда японская дипломатия черпает образцы для подражания, отчасти же это подсказывалось дальневосточной действительностью того времени.

Именно в этот период общесоюзническая сибирская интервенция переживала тяжелый кризис. С разгромом Колчака почти для всех союзников стало ясным, что им больше в Сибири, не на что рассчитывать, и что они должны как можно скорее выводить свои войска. Америка, Англия, Франция и Италия поспешили свои войска вывести с Дальнего Востока. Оставалась лишь одна Япония, которая отнюдь не желала выпускать из своего маленького, но хищного рта огромного и лакомого куска—русского Дальнего Востока, и вот это-то и заставило японских милитаристов и их дипломатию искать какого-то выхода.

Таким выходом для японских милитаристов представлялась идея буфера. Они думали, что, опираясь на служащих им русских реакционеров, они повторят свой опыт с Кореей и вложат в дальневосточный буфер нужное им японское содержание, которое облегчит Японии задачу укрепления последней на русском Дальнем Востоке.

Буфер в виде Дальне-Восточной Республики получил свое осуществление в Верхнеудинске, где партизанское движение, отвоевавшее у Семенова часть территории, декларировало образование Дальне-Восточной Республики, которую Москва признала.

Широкое партизанское движение с каждым днем увеличивало размеры Дальне-Восточной Республики. Прежде других освободился Амур, который начал наступление в тыл Семенову, сидевшему в Чите. Окруженный железным кольцом партизанских отрядов, атаман Семенов, в конце-концов, принужден был из Забайкалья бежать. Чита была занята красными партизанами и превратилась в столицу Дальне-Восточной Республики.

Отдавая дань декларированным демократическим принципам Дальне-Восточной Республики, было создано Учредительное Собрание по всем правилам демократического

искусства, которое, тем не менее, дало большинство рабочим и крестьянам Дальнего Востока. Это Учредительное Собрание окончательно закрепило Дальне-Восточную Республику как форму государственного устройства, которая должна была быть приемлемой для „любителей демократии“—японских империалистов.

Черный „приморский буфер“.

Но, как и следовало ожидать, японские милитаристы отнюдь не обнаружили преклонения перед демократией, которая дала большинство сторонников Москвы. И это понятно: Япония меньше всего желала укрепления России на Дальнем Востоке и консолидации (укрепления) ее сил. Наоборот, она была заинтересована в ослаблении России, распылении ее сил, и то собрание Дальнего Востока, которое началось вокруг Читы, отнюдь не соответствовало интересам Японии.

Отсюда и возник тот черный „приморский буфер“, который на протяжении почти двух лет был очагом дальневосточной контр-революции.

Наибольший практический смысл для Японии заключался в удержании за собой всей приморской полосы с двумя городами: Владивостоком и Николаевском-на-Амуре. Еще в момент Версальской конференции Япония домогалась от союзников мандата на контроль над этими двумя русскими портами на тихоокеанском побережье. И это понятно. Помимо большого экономического значения, вся русская тихоокеанская береговая полоса имеет для Японии стратегическое значение, и господство Японии здесь чрезвычайно заманчиво для японских милитаристов.

Поэтому, выводя свои войска в 1920 году из Забайкалья и Амурской области, Япония не только оставила их в Приморской области, но и заняла летом северный Сахалин и весь Удский уезд, господствующий над устьем Амура.

И вот здесь, в Приморской области, под защитой японских штыков дальневосточная контр-революция не только нашла приют, но и получила возможность образовать чер-

ный буфер, основной задачей которого была борьба против Дальне Восточной Республики.

Ни для кого, конечно, не было секретом, что т.-н. „правительство“ Спиридона Меркулова было не больше, как русская ширма для японского владычества в Приморской области. Действительным хозяином положения явились японский командующий экспедиционным корпусом и его штаб, которые диктовали свою волю населению Владивостока и всему Приморью.

Каппелевцы, семеновцы, калмыковцы и прочий вооруженный сброд, который изображал армию меркуловского правительства, были нужны японцам для того, чтобы время-от-времени выпускать этот сброд против ДВР и этим создавать в крае обстановку гражданской войны, которая должна была до поры до времени служить оправданием пребывания японских войск на территории Дальнего Востока, ибо главным мотивом оставления Японией ее войск в Приморье являлся аргумент необходимости защиты пресловутых японских резидентов, живущих на Дальнем Востоке.

Руками этих вооруженных белогвардейских банд, по существу, японские милитаристы делали одно дело: уменьшали численность русского населения Дальнего Востока и вконец разрушали его хозяйственную мощьность. Особенно это относится к последнему году пребывания японцев в Приморской области, когда они все больше и больше убеждались, что им придется уходить из Приморья, и поэтому японские милитаристы стремились к одной цели: как можно больше принести вреда России, как можно больше сделать разрушений, чтобы и без того разоренная Россия в течение многих лет была бессильной на берегах Тихого океана.

Еще во время империалистической войны Владивостокский порт был складочным местом для товаров и военного снаряжения, которое должно было из Америки и Англии следовать в Россию. Во владивостокских складах скопилось этих грузов на огромные суммы. Вот эти-то грузы и послужили основной материальной базой, питающей дальневосточную реакцию. Япония наложила на них свою лапу, и это облег-

чило ей содержание Семеновых, Меркуловых, Дитерихсов и других персонажей дальневосточной реакции.

Когда же все запасы товаров, находившиеся на складах владивостокской таможни, были распроданы и расхищены, и перед Японией встал вопрос о необходимости новых ассигнований за счет японской казны, то японцы не только охладели к своим приказчикам, но и вообще задумались как над целесообразностью дальнейшего существования черного „приморского буфера“, так и над своим дальнейшим пребыванием на территории русского Дальнего Востока.

На самом деле, что дал Японии „приморский буфер“?

Ничего. Даже больше: он вконец дискредитировал идею японских милитаристов применить к русскому Дальнему Востоку методы, примененные в свое время японскими генералами в Корее. Русское население Дальнего Востока оказалось мало похожим на корейцев, да и самая политическая обстановка на Дальнем Востоке для сегодняшнего дня оказалась мало благоприятной для того, чтобы Япония могла свободно и легко скушать Приморье, как она когда-то сделала с Кореей.

Японские милитаристы провалились с попыткой образования черного „приморского буфера“ и должны были поставить вопрос о своей эвакуации из Приморской области.

Перед концом японской интервенции.

Вопрос об эвакуации японских войск с русской территории Дальнего Востока был долгое время основным вопросом нашей русской дальневосточной политики. Японский штык был стержнем всей дальневосточной реакции. Он же держал в напряжении и состоянии гражданской войны Дальний Восток в течение почти пяти лет японской интервенции, которая, как известно, началась высадкой японского десанта 5-го апреля 1918 г.

Самый факт возникновения ДВР есть тоже следствие японской интервенции, ибо не будь японского штыка, угрожающего рабочему и крестьянину Дальнего Востока, они, конечно, не стали бы городить огород демократической

канители, а сразу бы организовали власть советов, которая является наилучшей формой власти трудящихся.

Но японский милитаризм был силен. Он отнюдь не желал сдавать своих позиций, и, несмотря на внутреннюю оппозицию в русском вопросе среди японской общественности, японские милитаристы продолжали настаивать на дальнейшем пребывании японских войск на Дальнем Востоке. Они исходили из соображений большой стратегии японского генерального штаба, который рассматривает русский Дальний Восток, как тыл Японии в отношении Манчжурии и Кореи, которые являются операционной базой Японии в ее борьбе за утверждение ее господства в Китае.

И только тогда, когда Япония потерпела жесточайшее поражение в своей китайской политике в результате разгрома сначала аньфуистов, а затем ген. Чжан-Цзо-лина, для нее вопрос стратегического значения русского Дальнего Востока несколько потускнел.

Это одна из причин, которая сделала японских милитаристов уступчивыми в вопросе эвакуации японских войск из Приморья.

Другой причиной в этом вопросе послужил внутренний кризис, который переживает сейчас Япония. После военного периода расцвета японской промышленности последняя переживает сильнейшую депрессию (упадок). Между тем, расходы на армию и вооружение отнюдь не сокращаются, вызывая все большее и большее напряжение налогового пресса, и без того угнетающего трудящиеся массы Японии.

Японская буржуазия, испытывающая острее других застой в промышленности, начинает ожесточенную борьбу с японскими милитаристическими группировками. Для японской буржуазии вопрос стоит не только в плоскости сокращения расходов на вооружение, но и вообще в переходе от войны к миру. Она хочет торговать и заниматься промышленностью, а для этого нужны хотя бы относительное спокойствие и более или менее нормальные международные отношения, чего милитаристическая Япония, конечно, не могла иметь при условии продолжения политики интервенции.

В Китае японская политика привела к бойкоту японских

товаров, на русском Дальнем Востоке японская буржуазия совсем перестала торговать. Неудивительно, что это повлекло за собою оппозиционное отношение японской буржуазии к политике японских милитаристов, держащих власть в своих руках.

На фоне общих неудач японской политики в Восточной Азии крах черного „приморского буфера“, на который японские милитаристы возлагали большие надежды, приобрел особенно выпуклое значение, и неудивительно, что оппозиция к японским военным кругам еще больше возросла, и последним пришлось сдать свои позиции и согласиться на вывод японских войск из Приморья.

Поставленная перед необходимостью уйти из Приморья, Япония, вместе с тем, не теряла надежды получить за это компенсацию в виде договора, который она рассчитывала подписать в Чань-Чуне, где должна была произойти встреча Японии с ДВР и Россией.

Чаньчунская мирная конференция была второй попыткой мирных переговоров между Россией и Японией. Первая попытка была сделана в конце 1921 года, накануне Вашингтонской конференции, когда японская дипломатия предложила ДВР начать переговоры в Дайрене.

От Дайрена к Чань-Чуню.

Накануне Вашингтонской конференции Япония, в предчувствии возможной изоляции в новой международной группировке, которая должна была сложиться в Вашингтоне, несколько изменила свою тактику в отношении к Дальневосточной Республике. До этого она упорно отрицала возможность признания ДВР в качестве существующего государственного образования на Дальнем Востоке. Перед Вашингтонской конференцией Япония, сделав крутой поворот вдруг согласилась на ведение переговоров с ДВР. Переговоры начались в августе 1921 г. в Дайрене (бывший город Дальний).

Зачем пошла Япония в Дайрен?

Устами своих делегатов она заявила, что на Дайренской

конференции она хочет заключить торговое соглашение с ДВР, по примеру англо-русского соглашения, которое гарантировало бы мирное и дружеское сожительство Японии и ДВР на Дальнем Востоке.

Конечно, ДВР не могла отказаться от такого любезного предложения, но она выдвинула в качестве предпосылки для возможности заключения такого соглашения эвакуацию японских войск с территории ДВР. Простая логика диктовала такую постановку вопроса. Но, к сожалению, в тот момент сознание японских милитаристов еще не постигло этой логической необходимости, и в тех контр-предложениях, которые были выдвинуты японской делегацией, затаенные мысли японских милитаристов были выражены следующим образом:

Японцы предложили „Проект Декларации“, который делегация ДВР должна была подписать:

„Правительство Дальне-Восточной Республики соглашается разоружить и уничтожить имеющиеся в настоящее время по побережью своей территории военные укрепления, не приводить таковые в будущем к годному для стратегических целей состоянию и упразднить крепости в означенном районе, а равно не предпринимать никаких военных и стратегических сооружений и мероприятий, могущих служить угрозой по отношению к Японской империи. Кроме того, правительство Дальне-Восточной Республики изъявляет согласие на официальное пребывание и путешествие японских военных чинов в пределах своей территории. Что касается подробностей упомянутых предметов, то таковые будут установлены особо по взаимному соглашению“ (цитировано по переводу с японского) ¹⁾.

Здесь сказались затаенные замыслы японских милитаристов, которые сразу же, с места в карьер, заявили, что они отнюдь не думают отдавать захваченную ими русскую территорию, и что, по их представлению, на долю ДВР в дайренских переговорах остается одно—подписать деклара-

¹⁾ Более подробно о затаенных замыслах японских империалистов см. приложение.

цию, в которой она расписывается в признании законными всех произведенных японцами захватов. Последняя же часть японского предложения даже требует официального признания прав Японии на интервенцию. Признать же все это было равносильно превращению русского Дальнего Востока в колонию Японии на манер Кореи.

Конечно, Япония руководствовалась в такой постановке вопроса учетом реального соотношения сил на Дальнем Востоке, где японские милитаристы могли считать себя господами положения. Однако, уже через некоторое время Японии самой пришлось признаться, что она просчиталась, ибо она припомнила, что у маленькой ДВР есть довольно мощный союзник в лице Советской России, которая при всей тяжести своего хозяйственного положения может быть для Японии серьезной угрозой.

Это признание прозвучало по другую сторону Тихого океана, на Вашингтонской конференции, где японский делегат Сидехара заявил: „Япония не питает намерения аннектировать Манчжурию, но требует признания особых интересов Японии в Манчжурии в силу своей географической близости и больших затрат, произведенных на железные дороги, при чем на эти особые интересы Япония смотрит весьма серьезно в виду агрессивности России после ее восстановления“.

Дело, конечно, было не в мнимой агрессивности России, а в том, что последняя превращалась в слишком большую величину, чтобы ее можно было оставить вне учета при общей оценке положения на Дальнем Востоке.

Отсюда можно было сделать вывод, что роль России в международной политике становилась ясной, но когда на Дайренской конференции ДВР предложила привлечь к участию в урегулировании дальневосточной проблемы Россию, то Япония от этого уклонилась.

Сопоставляя и оценивая это, можно сделать вывод, что Япония пришла на Дайренскую конференцию совсем не затем, чтобы искренно и честно в тот момент урегулировать с Россией дальневосточную проблему, а с иными целями и задачами.

Очевидно, для Японии Дайренская конференция нужна была как акт, которым Япония при случае могла козырнуть в Вашингтоне, если бы ее дела там сложились плохо. Поэтому она и не пыталась быть особенно сговорчивой в Дайрене, не особенно старалась ускорить работу конференции, а удовлетворялась лишь самым фактом существования переговоров в Дайрене с ДВР, что, по мнению японских дипломатов, должно было свидетельствовать о „миролюбивых“ настроениях Японии на Дальнем Востоке.

Так продолжалось до момента, когда в Вашингтоне вполне определилось, что англо-японский союз заменяется четверным союзом (Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция и Япония). С этого момента Япония еще меньше стала считаться с Дайренской конференцией, и, считая, что надобность в последней миновала, Япония сделала попытку вооруженного нажима на ДВР.

Этот момент был началом активных действий черного „приморского буфера“ так-называемого владивостокского „правительства“ Спиридона Меркулова, который, по указанию японского штаба, направил каппелевцев в наступление на Амурскую область. Они заняли Анучино, Иман, Уссури, далее захватили на некоторое время Хабаровск. Одновременно с этим банды „бочкаревцев“ заняли Петропавловск-на-Камчатке, Охотск и Аян на побережье Охотского моря и даже сделали попытку продвинуться в глубь Якутской области.

А когда вся эта военная инсценировка кончилась неудачей, и народно-революционная армия отбросила каппелевцев к Владивостоку, японские милитаристы убедились в безрезультатности своего шантажа,—Дайренская конференция кончила свое существование, как более ненужная.

Чань-Чунь понадобился Японии тогда, когда общая международная и в особенности внутренняя обстановка в Японии сложилась для японских милитаристов совсем плохо, и когда они принуждены были сами поставить вопрос об эвакуации Приморья. Но это было похоже на бегство, и вот это-то обстоятельство и заставило японскую дипломатию искать путей к тому, чтобы прикрыть отступление японских милитаристов. Чань-Чунь должен был выполнить эту задачу.

Чаньчунская конференция.

Японские милитаристы боятся гласности. Поэтому неудивительно, что они настойчиво домогались, чтобы очередная русско-японская конференция была в Чань-Чуне, этой маленькой станции, где Япония могла не особенно опасаться за тайны своей дипломатии.

Второй момент, характерный для японской политики, заключался в том, что Япония и на этот раз довольно долго спорила о том, с кем она, собственно, на этой конференции должна разговаривать. Она предпочитала говорить с ДВР, предоставляя России не более, как роль свидетеля при этих разговорах.

Причины такой постановки вопроса со стороны Японии довольно ясны. Она мотивировала их тем, что вопросы, подлежащие рассмотрению конференции, суть дальневосточные дела, и что разрешение их отнюдь не нуждается в специальном представительстве России. Но дело было, конечно, в другом. Ссылка на формальную сторону вопроса, — о том, что ДВР есть государственное образование независимое, — по существу, прикрывала боязнь Японии вплотную подойти к переговорам с Россией.

А дальнейший обмен мнений на Чаньчунской конференции вскрыл и причины этой боязни. Основной причиной этой боязни являлось нежелание японских милитаристов начинать переговоры непосредственно с Россией потому, что тогда нужно было бы в качестве предпосылки для этих переговоров поставить вопрос об эвакуации северной части Сахалина, а попутно с этим вскрыть природу т.-н. „николаевских событий“, которые японские милитаристы сделали отправной точкой для своих притязаний к России.

Ниже мы еще остановимся на этих „николаевских событиях“, — сейчас же нас интересует вопрос об оккупации северного Сахалина.

Могла ли Россия с точки зрения не только своего престижа, но и существа вопроса начинать переговоры с Японией, не получив ясного ответа от последней о том, когда последняя очистит северный Сахалин?

В Чань-Чуне Япония устами своего главного делегата Мацудайра заявила, что она оставляет северный Сахалин в качестве „гарантии“ за „николаевские события“, а что вопрос о последних Япония не может сейчас урегулировать с Россией потому, что последняя не является признанной великими державами.

После этого, конечно, Чаньчунская конференция теряла смысл, и вопрос о русско-японских отношениях остался висящим в воздухе. Чаньчунская конференция кончилась вничью. Но объективная необходимость эвакуировать Приморье у Японии все же осталась, и она ее должна была осуществить.

Советизация Дальнего Востока.

С большой неохотой, проволочками, но все же Япония увела свои войска из всей Приморской области. Япония очистила Владивосток, эвакуировала свои войска и из Удского уезда. Остались японские гарнизоны только на северном Сахалине.

Вопреки желанию японских милитаристов, народно-революционная армия, являющаяся частью Красной армии, получила возможность выйти к берегам Тихого океана и занять как Николаевск-на-Амуре, так и Владивосток.

Но японские милитаристы, уходя с оккупированной территории, постарались оставить после себя буквально пустое место. Уходя из Николаевска-на-Амуре, они до основания разрушили крепость Чнныррах, захватили с собою весь металл, сняли рельсы железной дороги. С артиллерийской пристани увезли все, до последнего болта и гайки. С крыш сняли все цинковое железо. Увезена радиостанция, уведены русские канонерки „Вотяк“, „Шквал“, „Монгол“, „Бурят“ и пароход „Сильный“. В устьях Амура поставлены минные заграждения.

Во Владивостоке после ухода японцев остались пустые помещения складов таможни, где еще год назад было много товаров, принадлежащих России и оценивающихся в миллиарды рублей. Уведены из Владивостока остатки рус-

ского флота. Это сделано белогвардейцами, но все суда с остатками награбленного во Владивостоке бежали в Фузан, японский порт в Корее, и это, конечно, делает Японию ответственной за расхищение русского достояния во Владивостоке.

Японцы постарались взорвать все, что хоть в какой-либо степени могло иметь стратегическое значение для обороны Владивостока,—так, они взорвали ряд незаконченных оборудованием фортов в окрестностях Владивостока.

Русское оружие, хранившееся во Владивостоке в довольно большом количестве, японцы через посредство Дитерихса передали своему китайскому агенту генералу Чжан-Цзолину, который в этот момент готовился к борьбе против пекинского правительства.

Словом, Япония, руками своего военного командования и находящихся в их руках белогвардейцев, перед своим уходом тщательно постаралась над разрушением всего, что могло бы быть использовано Россией для укрепления Дальнего Востока.

Но это не больше, как слепая, бессильная злоба, при помощи которой японские милитаристы хотели отомстить за свою неудачу, которую они потерпели в деле своей интервенции на Дальнем Востоке.

Крах японской интервенции и уход японцев с Дальнего Востока, вместе с тем, развязали руки России на Дальнем Востоке. Конечно, это еще далеко не означает, что Россия разрешила дальневосточную проблему. Но с эвакуацией японских войск Россия смогла вплотную подойти к разрешению двух задач: первой—советизации Дальнего Востока и второй—ликвидации дальневосточной контр-революции.

Если Дальне-Восточная Республика была вынужденной уступкой японской интервенции, своего рода тактическим шагом, при помощи которого Россия хотела избежать вооруженного столкновения с Японией в тот момент, когда это было для России невыгодно, то переговоры в Дайрене и Чань-Чуне с наглядностью доказали, как невыгодна для интересов России на Дальнем Востоке формальная независимость ДВР, которую Япония пытается использовать в своих интересах.

После крушения Чаньчунской конференции стало ясно для всех, что для разрешения дальневосточной проблемы Япония должна стать лицом к лицу с Россией, и это можно сделать лишь путем советизации Дальнего Востока.

Население Дальнего Востока, испытавшее на своей шкуре все прелести японской интервенции и питаемой ею гражданской войны, единственным выходом из создавшегося положения считало присоединение Дальнего Востока к России и установление советской власти на Дальнем Востоке.

Неудивительно поэтому, что достаточно было Дальнему Востоку освободиться от японцев, как по всей его территории начали стихийно возникать советы. Образовался такой и во Владивостоке, где гордо взвилось Красное советское знамя.

Под напором этой воли рабочих и крестьян Дальнего Востока Народному Собранию, этому демократическому парламенту Дальнего Востока, пришлось декларировать самороспуск, объявить о присоединении Дальнего Востока к Советской России и избрать вместо правительства ДВР Дальневосточный Революционный Комитет, а затем избрать Советы по всему Дальнему Востоку.

Так произошла советизация Дальнего Востока.

Советизация нужна была еще и потому, что нужно было раз навсегда покончить с дальневосточной контр-революцией. Дальний Восток оставался слишком долго приютом для активно действующих реакционных сил, чтобы с этим можно было мириться.

Владивосток был питающей базой, — центром, из которого скопившаяся здесь банда белогвардейцев активно действовала не только в направлении ДВР, но и дальше, на северо-востоке Сибири, в Якутской области и на Камчатке. Из Владивостока отправлялись разного рода экспедиции по всем этим направлениям; здесь набрасывались первоначальные планы всяких авантур.

Из Владивостока белогвардейцев выбросили в Тихий океан. После небольшого сопротивления „народная рать“ Дитерихса частью расплылась, частью, захватив во Владивостоке суда Добровольного флота, бежала под охраной

японского флота к берегам Кореи, откуда она расплзлась в разные стороны.

Очевидно, для некоторых кадров живой силы дальневосточной контр-революции северная Манчжурия стала базой, где под покровительством Японии и ее агента Чжан-Цзолина белогвардейцы заживо гниют и разлагаются.

Белогвардейские отряды, бежавшие на север, на Камчатку и на побережье Охотского моря, к моменту, когда пишутся эти строки, уже ликвидированы Красной армией и больше не существуют.

Адмирал Старк, уведший остатки русского тихоокеанского флота, распродал часть украденных им судов и сейчас влачит жалкое существование где-то на Филиппинах. Словом, с дальневосточной контр-революцией покончено.

Японская политика потерпела крах. Победила Советская Россия, которая вышла на берега Тихого океана и здесь водрузила Красное знамя советской власти.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

Библиотека по вопросам международной политики.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

- Анжеран.** Железо и франко-германские отношения.
Куске, Бенуа и др. Левый берег Рейна. (Сборник).
Лемонн. Англо-французские отношения.
Оствальд. Современная Япония.
Пейеримгоф и др. Финансовые интересы Франции. (Сборник).
Пинон, Гошиллер, Хассерт. Проливы. (Сборник).
Пинон, Волос и др. Италия в европейской системе.
Ротштейн Ф. Англичане в Египте.
Анжеран. Лотарингские границы и сила Германии.
Шульце Э. Борьба за персидско-месопотамскую нефть.
Юнг. Аравия и европейские державы.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

- Демонжон.** Соединенные Штаты и Япония.
Дармштетер. Раздел Африки.
Дрио. История Оттоманской империи.
Камбель. Китай.
Кьелен. Современные державы.
Мерман-Кобленц. Багдадская железная дорога.
Пулей. Японский империализм.
Руир. Англия и Средний Восток.
Стен Конов. Значение Индии для Англии.
Хасхаген. Очерки мировой политики, ч. I и II.
Юнг. Месопотамия—страна будущего.
„ Малая Азия.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦА

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Милютинский пер., 22.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

Капиталистический мир после войны.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- Арслан. Современная Турция—25 к.
Гальперин С. Современная Бельгия—20 к.
Иорданов. Балканы после войны—20 к.
Красный Ю. Польский фашизм.
Лозовский. Вопросы мирового профдвижения.
Павлович М. Советская Россия и империалистическая Япония—48 к.
Павловский Е. Банкротство Германии—60 к.
Поль Кэтэ. Германия накануне Октября—1 р.
Фостер Вильям. Волны рабочей революции в Германии, Италии и Франции в 1918—21 гг.—14 к.
Шубин И. (Самарин). Париж—Варшава—Вильно—50 к.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

- Аквилло. Фашизм в Италии.
Бранд. Торжество и падение Пилсудского.
Гумбель. 4 года политики убийств.
Кампфмейер. Фашизм в Германии.
Кан Г. Крушение капитализма.
Осинский. Мировое хозяйство в оценке наших капиталистов.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

- Бронский М. 2¹/₂ Интернационал.
Коноли. Труд в Ирландии.
Кун. Фашизм в Венгрии.
Майский. Современная Германия.
Мархлевский. Современная Польша.
Нюрнберг. Мировая война, ее причины и следствия.
Ротштейн Ф. Современная Англия.
Рудаш. Венгерское восстание.
Шлихтер А. Современная Австрия.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦА.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:
МОСКВА, Милютинский пер., 22.

КАРТОГРАММЫ и ДИАГРАММЫ

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ:

Вып. I. Территория и население	10	лист.	4	р.	—	к.	зол.
„ II. Сельское хозяйство—зерновые культуры	22	„	8	„	50	„	„
„ III. То же—технические культуры	6	„	2	„	50	„	„
„ IV. Скотоводство и рыболовство	18	„	7	„	—	„	„
„ V. Пути сообщения	14	„	5	„	50	„	„
„ VI. Обработка продуктов сельского хозяйства, бумажная, кустарная и химическая промышленность	11	„	4	„	50	„	„

2. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ Р. К. П.	10	„	4	„	—	„	„
---	----	---	---	---	---	---	---

Находятся в печати:

ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ (продолжение):

Вып. VII. Промышленность горная и металлургическая	20	лист.
„ VIII. Машиностроение и текстильная промышленность	12	„
„ IX. Топливо, внутренний и внешний товарообмен	10	„

3. ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ

(с VIII в. и до войны 1914 г.).

Вып. I. Территория и население	6	лист.
„ II. Крестьянство и сельское хозяйство	28	„

4. ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ и ИМПЕРИАЛИЗМ.	20	„
---	----	---

Готовятся к печати:

ПО ИСТОРИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ (продолжение):

Вып. III. Промышленность и транспорт	19	лист.
„ IV. Торговля внутренняя и внешняя, кредит, денежное обра- щение, государственный бюджет	19	„

5. ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ—БОЛЕЕ 100 НАЗВАНИЙ.	30	„
---	----	---

ЗАКАЗЫ и ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ в ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

ИЗДАТЕЛЬСТВА „КРАСНАЯ НОВЬ“ Москва,
Милютинский пер., 22.

КНИЖНЫЕ

Магазины
в Москве:

- 1) Универ. книжный магазин „Серя и Молот“ (пл. Свердлова).
- 2) 2-й дом Советов (б. Метрополь).
- 3) Б. Сухаревская, дом 16.

В Петрограде: Проспект 25 октября, уг. Фонтанки (б. маг. Коминтерна).

6312

**СКЛАД ИЗДАНИЙ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР**

Издательства „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Милютинский пер., д. № 22.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

В МОСКВЕ: 1. Универсальный книжный магазин „СЕРП и МОЛОТ“ Издательства „Красная Новь“— пл. Свердлова, 2-й дом Советов.

2. Б. Сухаревская пл., № 16.

В ПЕТРОГРАДЕ: Проспект 25 Октября, угол Фонтанки (быв. магазин Коминтерна).

146

2011097187